

Ирина Булгакова

СМЕРТНИК

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Б90

Булгакова И.
Б90 Смертник / Ирина Булгакова – М.: Литнет, 2026. – 294 с.

ISBN 978-5-521-94041-7

Все stalkеры - смертники. А те, кто входят в Зону впервые, без опыта и подготовки - смертники вдвойне. Грек ведет группу в Зону. Среди прочих в его группе новичок по кличке Очкарик. Вскоре Грек замечает - что-то не так с этим Очкариком. Явно за всем этим кроется какая-то тайна. Только будет ли возможность ее разгадать, ведь на пути одно за другим встают самые страшные порождения этого мира, уродующие все, к чему он прикасается...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94041-7

© Литнет, 2026
© И. Булгакова, 2026

Пролог

– Я... – Хриплый мужской голос вырвался из плена мобильного телефона. – Я в мышеловке. Найди Глухаря... не откажет. Должен помочь... Ника... Долг... за ним долг... Он знает... квадрат шестьдесят четвертый...

Голос прервался, и наступила тишина. Оглушительная – после посторонних шумов, свиста, шипения и эха далеких голосов.

Ника до боли сжала в руке трубку. Ей казалось, что так она сможет выжать из нее еще хоть одно слово.

Мобильный телефон молчал.

Ника совсем уж было собралась разжать сведенные судорогой пальцы, как вдруг:

– ...от Припяти. Он знает... Боровая... водокачка. Деньги в тайнике... сколько нужно... Ника!!

Тонувший в эфире крик, полный безнадежной тоски, заставил девушку вздрогнуть. Она судорожно глотнула, пытаясь протолкнуть сквозь пересохшее горло обнадеживающие слова, но смогла только прошипеть в ответ.

В распахнутое окно заглянула луна. Лунный свет белил стены, старую мебель, красил серебром единственный выживший комнатный цветок, тянувший уродливые, темные колючки к потолку – вот во что переродилась недавно радовавшая глаз пышная драцена.

Ника разжала, наконец, непослушные пальцы.

– Да... Красавчик. Я слышу. Я сделаю все, что смогу, – сказала она в мертвую трубку. Но там, откуда только что шел голос, ее слышать не могли.

Ветер влетел с улицы в комнату, вздыбил занавески, прошелся по вороху газет, что лежали на журнальном столике, качнул оранжевый боксерский мешок, подвешенный к потолку.

Ника села на кровати.

Красавчик в беде. Он застрял в мышеловке недалеко от Припяти, в деревне... Вернее, в том, что от нее осталось, под названием Боровая. Еще каким-то боком там замешана водокачка. Это можно выяснить позже – сталкеры наверняка знают, о чем идет речь. Красавчик просит ее взять деньги в тайнике и обратиться к Глухарю за помощью.

Ника знала по рассказам, что такое мышеловка. Она догадывалась, что представляет из себя заброшенная деревня и как выглядит водокачка. Кроме того, Ника хорошо относилась к Глухарю и не сомневалась, что тот не откажет в помощи единственному другу.

Она ни разу не слышала только об одном. О том, что из Зоны можно позвонить по мобильному телефону.

Глава первая

Ника

– Хорошая ты баба, Ника, но дура, – повторил Глухарь. И подтвердил свои слова до хруста сжатой в руке банкой с пивом. Будь она полной, он ни за что не позволил бы себе такого кощунства – но до этого Ника минут пять наблюдала за тем, как бородатый мужик, запрокинув голову, тряс несчастной банкой, пытаясь выжать из нее хотя бы каплю.

– Глухарь, – уже безнадежно сказала Ника, потянувшись к нему через стол, заставленный грязной посудой. – Я нормальный человек, поверь мне: до вчерашнего дня глюки меня не беспокоили...

И с досадой поморщилась, заметив с каким удовольствием пьяный Глухарь уцепился за слова «до вчерашнего дня».

– Почему ты мне не веришь? – перекрикивая шум в зале, продолжала она. – И, может быть, через пару месяцев, когда оттуда еще кто-нибудь дозвонится, ты пожалеешь, что не послушал меня! Твой друг...

– Ника, – Глухарь облокотился на стол, попав локтем в переполненную окурками пепельницу. – Все забываю у тебя спросить: твое полное имя Вероника, что ли?

– Мое полное имя Ника, – сквозь зубы процедила она. – И другого у меня не было никогда.

– Тебе... двадцать?

– Двадцать один, – после паузы ответила девушка. Ей показалось, что ответа он не расслышал. Да и нужен был ему этот ответ как кусок хлеба голодному кровососу!

– Так, говоришь, связь по мобильному плохая была? – Он сдерживал смех.

– Да. – От злости ее затрясло. – Шум, треск.

Разговор не заладился с самого начала. Ее рассказ о ночном звонке не произвел на stalkера ни малейшего впечатления. И совсем

не потому, что тот был пьян. Давно и беспросветно. Трудно отрицать очевидное – никто и никогда не звонил с Зоны. Даже для новичков не секрет: все приборы, чье действие основано на электромагнитных волнах могут подвести в любую минуту. Счетчик Гейгера – вот, пожалуй, и все, на что можно положиться.

Зона – это маленькая смерть. Всякий уходящий знает: она может настигнуть тебя сразу за периметром, в одной из тех аномалий, что как грибы после дождя плодит новый выброс. Может удовлетворить свое порочное любопытство, равнодушно наблюдая за тем, как распадается мертвая плоть, желтой слизью вытекают незрячие глаза и ты сам, лишенный сознания – не более чем пристанище для жирных червей – бродишь по запретным дорогам, куда живым вход воспрещен.

А может вдоволь натешиться и растянуть удовольствие, оставив тебе сознание, помещенное в гниющую оболочку мертвого тела.

Бар «Приют», где Ника по указке нашла Глухаря, оказался забит до отказа. Сквозь густой, тяжелый воздух, пропитанный запахом табака и пота, сочился свет разноцветных мигающих ламп. Деревянный помост для стриптиза, накрытый металлическими листами и для верности укрепленный шестами, вбитыми в потолок, пока пустовал. Два десятка столиков занимали отдыхающие после праведных трудов сталкеры. И за каждым столом царил своя атмосфера. Кто-то справлял поминки по погибшему товарищу, кто-то радовался тому, что остался жив, кто-то в очередной раз рассказывал о том, как с честью вышел из, казалось бы, безнадежной ситуации.

Ровный гул голосов, изредка прерываемый отдельными возгласами, разговору не мешал. Ника кусала губы, отыскивая тот аргумент, что поможет качнуть чашу весов в ее пользу, и с каждой уходящей минутой затея казалась ей все более безнадежной.

Начать с того, Глухарь не поверил ни единому ее слову. Все попытки Ники как тяжелую артиллерию подключить такие давно потерявшие авторитет понятия, как «дружба» и «взаимопомощь» разбились

о надежный как скала мужской прагматизм. В нескольких словах воспроизводимый фразой «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Более весомое понятие – «деньги» – ожидала та же незавидная участь.

Но самое страшное случилось потом. Примерно через полчаса ее воззваний «к уму и сердцу» пьяного сталкера, Глухарь преподнес ей сюрприз. Тем ужасней, что явился для Ники полной неожиданностью.

Пуская струю сигаретного дыма через нос, Глухарь вдруг навалился грудью на стол, испачкав выдавший виды комбинезон в подсохшем картофельном пюре, оставшемся от недавнего обеда.

– А теперь слушай сюда, девушка, – сказал он. Огромные глаза, полускрытые за набрякшими от беспробудного пьянства веками, недобро блеснули. – Даже! – Глухарь воздел к потолку указательный палец с траурной каймой под ногтем. – Даже, если все было так, как ты говоришь – никто! Слышишь? Никто не пойдет в Зону выручать твоего Красавчика. Даже за деньги. И даже такой законченный убудодок, как Грек. Если единственный, к кому Красавчик тебе посоветовал обратиться, это я – что ж, его дела обстоят еще хуже, чем мне казалось. – Он с неприкрытым злорадством следил за тем, как округлились от удивления глаза девушки. – Свой долг Красавчику я отдал. И теперь ничего. Ему. Не должен. Запомни девушка – ничего. Тебя извиняет то, что ты могла подумать, будто мы друзья, но...

Глухарь затушил в переполненной пепельнице обгоревшую до фильтра сигарету и задумался. Надолго.

Пока девушка пыталась осознать услышанное, перед сталкером, как по мановению волшебной палочки возникла бутылка водки и стакан. Ника собиралась с духом, чтобы вслух списать все сказанное на большое количество выпитого, когда Глухарь заговорил снова. На сей раз в собеседнике он не нуждался.

– И никто. Ни здесь, ни за кордоном... Никто! Не ринется в Зону

выручать твоего Красавчика. Половина народа будет радоваться, когда он сгинет в Зоне. А остальная половина... обрадуется позже, когда станет известно точно. Сумел... Красавчик, сумел. Так еще уметь надо. Выжить уметь... Выживать. Везунчик, а не Красавчик – вот погоняло вполне подходящее для него. Когда Штоф подышал в Темной долине. Вынес он его, твой Красавчик? Хрен тебе, вынес... И умер Штоф. Только перед смертью шепнуть успел. Вести в Зоне быстро разносятся. И далеко – как круги по воде... А как он обошелся с Параноиком?

Наполненный до половины стакан водки блеснул в свете фонаря – булькнула опрокинутая в жаждущий рот жидкость – и снова занял свое место на столе.

– Все знали, что Параноику «баклажан» нужен до зарезу, сына от гемофилии вылечить. – Глухарь снова плеснул в стакан водки. – Только пойдй, отыщи его! Все мы тогда в Зону ходили с тайным умыслом помочь Параноику – мало он добра сделал? И что твой Красавчик? Нашел «баклажан», да торговцу в баре и скинул. Тому, естественно, до наших бед как до звезды... Жучара, он Жучара и есть. Вот и достойная пара твоему Красавчику... Так и не дождался Антошка помощи. А... – Глухарь едва удержался на стуле при попытке широко взмахнуть рукой. – Много чего вспомнится, если покопаться... А что меня спас от мертвяков, так выхода другого у него не было. Когда на них находит, уж лучше два ствола, чем один. Хрен тебе. Я отдал ему долг, – просипел он. – Отдал. Мы квиты.

Глухарь замолчал.

Ника тяжело дышала, пытаясь унять сильно бьющееся сердце. Бесплезно объяснять себе, что она не догадывалась об истинном положении вещей. Но одно дело подозревать, другое – знать наверняка.

В баре ничего не изменилось с тех пор, когда она была здесь в последний раз. Последний и единственный. Возможно, никто так и не увидел бы ее не только в «Приюте». Вполне возможно, в городе

вообще. Если, конечно, считать квартиру, в которой она просидела безвылазно почти год, чем-то самостоятельным и обособленным.

Туда, в однокомнатную квартиру, с мебелью, протертой до дыр, с драценой, постепенно переродившейся в грозу растительного мира, Нику... А вернее, то, что она на тот момент собой представляла, привез Красавчик. Кем она была? Пугливым существом, вздрагивающим от каждого шороха, с трудом переставляющим ноги. Каждый шаг, насколько позволял свежий шов, стянувший кожу в промежности – давался болью и кровью. С незаживающими ранами на прокушенных губах и такой тоской в глазах, окруженных черными тенями, что отводил взгляд даже Красавчик, попидавший в Зоне немало.

– Живи, – сказал он. – Будет тебе пристанище.

И жила. В четырех стенах, с редкими вылазками в ближайший ларек и к Ляльке – неожиданно появившейся подруге. Все остальное – в чем она нуждалась, нуждается или будет нуждаться, приносил Красавчик. Он часто пропадал в Зоне – неделю, а то и больше. Первые два-три дня после возвращения пил беспробудно. Потом они долго говорили, иногда сутками напролет. И за все это время, пока заживали раны – телесные быстрее, душевные медленнее – Красавчик ни разу не увидел в ней женщины. И Ника была ему за это благодарна.

За это, и еще за то, что осталась жива...

В баре становилось шумно. Ника смотрела Глухарю в глаза, тщетно пытаясь поймать его взгляд. Знал ли он о том, какие пути привели ее в городок? Вряд ли. И рассказ, как на духу выложенный сейчас, прозвучит не к месту, как лечение после скоропостижной смерти больного.

Гул пьяных голосов нарастал. Ничего не менялось: бывалые сталкеры пили молча, новички отрывались весело и шумно. Их накрывала эйфория, сродни той, что позволяет чувствовать себя крутым гонщиком новичку, отъездившим пару недель за рулем автомобиля.

– Тёмная ночь. Кровосос тащит за собой сталкера в канализационный люк, – хриплый тенорок выбился из общего шума. – Тот отбивается изо всех сил, орет матом...

Концовка анекдота утонула в начальных аккордах музыки, хлестнувшей по ушам. Тяжелый рок селевым потоком накрыл задымленный зал. Оглушительные низы, которым вторила стеклянным звоном посуда, оставшаяся без внимания на столах, заставили Нику оторваться от разглядывания защитного артефакта: на шее Глухаря дрожала в свете прожекторов капля воды, подвешенная на цепочке.

В сплошном сигаретном дыму, под оглушительный свист, стриптизерша выскочила как черт из табакерки. В полной сталкерской экипировке: тяжелых ботинках, зашнурованных почти до колена, защитных штанах и куртке, черной бандане – в ней не было ничего женственного. Звериная грация и упрямо сжатые алые губы – неприступная и оттого еще более желанная.

Гремел тяжелый рок, постепенно освобождая девушку от верхней одежды. Скупое, ни одного лишнего движения – она раздевалась так, что стихли и голоса, и свист. Сотня глаз, подогретых спиртным, не отрывали взглядов от помоста. За курткой обнаружились крепкие плечи, плоский живот. Когда в зал черной вороной полетел кожаный бюстгальтер, словно высокой груди с торчащими бусинами темных сосков стало в нем тесно – зал исторг мучительный утробный вой, как голодное чудовище перед стремительным броском.

В руках у стриптизерши неожиданно возникла потертая, так хорошо знакомая многим сталкерам фляга – именно такая, выдававшая виды, с погнутым боком и обшитым кожей днищем. Девушка запрокинула голову и струи воды, задерживаясь на торчащих сосках, срывались на живот, катились вниз, теряясь в кожаных стрингах.

Единственной, кого абсолютно не интересовало, в какой позе стриптизерша снимает с себя одежду, была Ника. Она смотрела на то, как из полуоткрытого рта Глухаря, застывшего напротив вполоборота, тянется тягучая нескончаемая слюна. Смотрела и не могла